

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 148-158
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.148

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of Terrorism in the Security System of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Yenisei Province)

Tatiana V. Izluchenko ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^{a, b}, Evgeniy A. Akhtamov ^a, Daria N. Nesterenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Federal Research Center Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Modern security studies actualize the problem of terrorism. It is multidimensional and requires careful study, taking into account the time and space of a particular State. Considering terrorism as a concrete historical phenomenon contributes to the preservation of historical and genetic continuity. Using the experience of countering it will ensure the security of the state and society. The aim of the work is to identify the specifics of the attitude towards terrorism in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries on the part of the state authorities and society. The methodological basis of the study was the political-historical approach. It is used to reconstruct the domestic political situation and transform legislation. The historical-genetic method made it possible to identify the conditions of spread and development of terrorist sentiments in time. The idiographic method reveals the impact of individual cases on the situation as a whole. Terrorism is considered within the framework of social constructivism. The roles of all participants are indicated. The authors note the emerging trend towards the glorification of terrorists among the population and the positioning of their actions by terrorists as acts of martyrdom. The noted favorable conditions for the spread of terrorism were caused by systemic errors of the State authorities. The first mistakes were in the absence of an appropriate legislative norm separating terrorism from other types of crimes. The second is ignoring the social nature of terrorism caused by post-reform changes. As a result, the comprehensive approach necessary for constructive counteraction to terrorism has not been developed. The police measures of detection, prevention and supervision used were not effective, and in some cases even contributed to the spread of anti-government ideas to remote territories of the empire.

Keywords: terrorism, revolutionary movement, crime, martyrdom, security, securitization, radical transformation.

1. Введение

В настоящее время востребованными являются исследования в области безопасности, поскольку они обеспечивают высокую теоретическую продуктивность разрешения общественно значимых вопросов (Waeber, Buzan, 2019: 444). Терроризм (в пер. с лат. яз., – «страх», «ужас») остается одной из наиболее актуальных угроз социальной и государственной безопасности, усиливаясь современными трендами глобального политического процесса. Часто его используют в качестве единственного инструмента политического насилия. Мотивацией для участия выступают религиозные, этнонациональные, идеологические (политические) убеждения, ориентированные на установление всемирной социальной справедливости и/или на разрыв «петли незащищенности» внутри конкретного государства. Противодействию терроризму посвящено большое количество как

* Corresponding author

E-mail addresses: izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

нормативно-правовых актов, межправительственных соглашений, так и научных исследований в области международных отношений, стремящихся выявить причины возникновения, условия участия и дерадикализации террористов, модели работы с ними на государственном и общественном уровне.

Однако к террористической тактике прибегали на протяжении всей истории государственности разнообразные группировки с целью изменить социально-политическое устройство при отсутствии легитимных способов или их неэффективности. Оформляться данная ситуация в Российской империи в деятельностном и законодательном плане стала со второй половины XIX в. Исследование терроризма как историко-конкретного феномена, адаптирующегося под изменяющиеся обстоятельства, представляется необходимым для выявления исторических предпосылок, механизмов трансформации и оптимальных моделей противодействия. Енисейская губерния рубежа XIX – XX вв. представляла собой яркий пример реализации государственных антитеррористических мер, включая дерадикализацию террористов и последующего над ними надзора. Она традиционно являлась местом высылки имперским правительством участников террористических групп и антиправительственных движений в силу ее географической отдаленности от политического центра.

2. Материалы и методы

Эмпирическая база исследования включает обработку разнообразных источников, отвечающих требованиям подлинности, репрезентативности, достоверности и полноты. Источниковой базой стали архивные документы из фонда Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация): отчеты и переписки, циркулярные письма департамента полиции, материалы судебного делопроизводства, материалы периодической печати. Реконструкция государственного наказания и надзора за ссыльными лицами, причастными к террористической деятельности, основывалась на соответствующих нормативно-правовых документах, циркулярных письмах департамента полиции, переписке Енисейского уездного жандармского управления. Процесс выявления участников террористических групп и антиправительственной деятельности основывается на материалах судебного делопроизводства указанного периода.

Исследование проведено на основе политико-исторического подхода, способствовавшего реконструкции возникновения, развития и функционирования террористических групп на рубеже XIX – XX вв., а также политико-правового отношения к проявлениям террористической направленности и формирования мер профилактики, надзора и дерадикализации участников. Определены влияния отдельных исторических событий на государственную политику в сфере обеспечения безопасности и на действия правоохранительных органов осуществлялось посредством идиографического метода. Исследование происхождения терроризма в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. и его развития во времени осуществлялось историко-генетическим методом. Установление сходства и различий в функционировании террористических групп указанного периода и начала XXI в. проведено посредством сравнительно-исторического метода. Понятие терроризма рассматривается в рамках социального конструктивизма, его традиционной интерпретации, учитывающей власть, государство и иных акторов в формировании представлений об антиправительственных действиях насильственного характера, а также теории секьюритизации (Б. Бьюзен).

3. Обсуждение

В научной литературе дискуссионным вопросом, не теряющим своей актуальности на протяжении последних нескольких десятилетий, остается проблема определения сущности терроризма. Значимая работа по систематизации социальных, международных, политико-правовых наработок была проведена П. Седербергом, который выделил три основных сложившихся подхода к терроризму. Первый: терроризм – это враг, которого необходимо победить в войне, открытом противостоянии до полного уничтожения. Не подразумевает искупления вины, дерадикализацию участников, трансформацию идей и переговоры с государственными структурами. Второй: терроризм – это преступление, в отношении которого применимы полицейские меры выявления и пресечения деятельности, преимущественно после совершения насильственного акта, работа внедренных агентов и провокаторов. Участники имеют возможность искупить свою вину и вернуться к исполнению своих гражданских обязанностей после временной социальной изоляции (места лишения свободы, ссылки, каторги). Третий: терроризм – это болезнь, требующая системы профилактических мероприятий, разработки долгосрочных стратегий и устранения предпосылок возникновения при минимизации социальных последствий (Sederberg, 2003: 267-284).

Большое количество работ посвящено рассмотрению деятельности террористов в контексте психологических отклонений. Эта позиция основывается на массовой культуре, желании приписать психические расстройства тем, кто совершает акты насилия, и недостаточности эмпирических данных. Ярким примером является концепция Д.В. Ольшанского, предлагающая рассматривать террористов как психологически ущербных личностей, провоцирующих гиперкомпенсацию за счет других. Психопатия у террористов сочетается со своеобразными особенностями личности: чудачество, непредсказуемость в поступках, импульсивность, неконформность (Ольшанский, 2002). П.И. Сидоров

сводит терроризм к наследственной предрасположенности, психологической отягощенности, ментальным расстройствам, духовно-нравственным нарушениям и синдрому деморализации (Сидоров, 2014). Дж. Аканни указывает ключевым фактором психического состояния террористов употребление тяжелых наркотиков, усиливаемого промыванием мозгов (brainwashing) (Akanni, 2023).

Однако с данными позициями не согласуются результаты научных исследований, доказывающих наличие осознанности и рационального выбора террористической группы ее участниками. Д. Уэббер и А. Круглански выявили социально-психологические задатки террористов, триггируемые желанием личной значимости: (1) индивидуальная потребность, которая мотивирует человека участвовать в политическом насилии, (2) оправдывающий насилие идеологический нарратив и (3) социальная сеть (группа). При этом подчеркивается, что количество мотивированных участников постепенно уменьшается по мере вовлеченности и упрощения образа мышления, который видит мир в черно-белых тонах (Webber, Kruglanski, 2018). Рационалистической позиции выбора придерживается историк М.Б. Колотков, указывая на признание революционерами-террористами нелегитимности своих действий и нахождения себя вне общепринятых нравственных норм, что подкреплялось идеологией и желанием радикальных изменений «из старого несправедливого мира к миру нового порядка» (Колотков, 2015: 123).

Широкое распространение в научной среде получил социально-психологический подход, подчеркивающий роль социально-политических и экономических условий и актуализирующий модель эпидемиологии к распространению террористических настроений. И. Баба, Ф. Рихан, Э. Хинкал рассматривают участников террористических групп как заразившихся, «заболевших» деструктивными, вредными идеями в силу объективных социально-политических, экономических обстоятельств. Терроризм понимается нестандартным эпидемическим процессом, который не возникает из ничего. Авторами подчеркивается его обусловленность с некоторой уже существующей деструктивной средой, влияющей на уязвимые группы населения. Эпидемиологическая модель описывает динамичное поведение терроризма как болезни, включающей в себя потерю иммунитета участниками и соответствующие меры государственного реагирования (Baba et al., 2023). Подчеркивание социальной составляющей терроризма как формы криминального поведения присутствует в работе Б. Терви. Им справедливо обозначено, что социальные факторы способствуют переходу человека от умеренных, социально-нормативных взглядов к одобрению агрессивных действий, которые отклоняются от социально принятых стандартов поведения (Turvey, 2022).

Специфика применения насилия террористическими группами и перформативность террористических актов представлена в работе М. Юргенсмейера (Juergensmeyer, 2017). П. Дженкинс, понимая под терроризмом внезапный и повторяющийся акт насилия, указывает на использование террористическими группами жертв для коммуникации с государственными структурами (Jenkins, 2003). Е. Импара обосновывает символическую значимость демонстраций казней гражданского населения террористами для формирования представлений о вовлеченности всех и отсутствии безопасности для кого бы то ни было (Impara, 2018). Подчеркнем, что обоснованием гибели жертв может быть политика, религия, этика и различные идеологии. Хотя большинство жертв террористов выбираются случайным образом, они почти всегда принадлежат к намеченной целевой аудитории.

Символичность самих исполнителей террористических актов в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. доказана исследователем А.Ш. Бик-Булатовым на примерах публикаций периодической печати указанного периода. Лица, использующие террор как метод политической борьбы, именовались террористами и позиционировались разрушителями во имя правды, борцами за народное благополучие (Бик-Булатов, 2013: 117-118). Данная идея получила развитие в концепции мученичества А.И. Зыгмонта. Им проанализирован процесс формирования культа мучеников в среде революционеров-народников в 1860–1880 гг., основными ориентирами для которого были мученики Французской революции и декабристы (Зыгмонт, 2021).

Историками отмечается преобладание одиночного характера терроризма в Российской империи до начала XX в. М.И. Леонов делает акцент на социальной составляющей в возникновении индивидуального политического террора – болезненное реагирование представителей образованной части пореформенного общества на жизненные трудности, основным источником которых позиционировалась существующая власть (Леонов, 2017: 15). Для обозначения этой формы терроризма исследователями предложено отдельное понятие – «сопротивление без лидера» (Posłuszna, 2020). А.В. Маньковым было выявлено оформление организованного террористического движения в южных регионах и Малороссии в 1870–1880-х гг., которое впоследствии распространилось на всю империю. Исследователь указал, что в первом десятилетии XX в. произошел содержательный поворот, завершившийся идеями полного социально-политического преобразования государства и массовыми террористическими актами. В результате терроризм перестал быть насильственным действием, совершенным преступными элементами, прикрывающимися лозунгами о справедливости, а стал явлением социальным (Маньков, 2018: 90).

Конструктивным представляется исследование терроризма в рамках теории безопасности (security studies), рассматривающей вопросы: а) отношения к государству как референтному объекту, тождества государственной и национальной безопасности; б) учета внутренних угроз; в) расширения

сферы безопасности; г) связи безопасности с динамикой угроз, опасностей и проблем. Это подтверждается работой М. Абрамса, Л. Дау и Э. Мур, в которой охарактеризована взаимосвязь террористических актов с оттоком прямых иностранных инвестиций и капитала, институциональным эскапизмом, спадом национальной экономики (Abrahms et al., 2023). Изучению терроризма как социетальной угрозы и научной проблемы способствуют работы Б. Бюзена, сместившего измерения безопасности с военного, международного на социальный, внутригосударственный аспекты, устойчивое развитие культуры, религиозную и национальную идентичности (Buzan, 1991).

При столь подробном изучении проблемы терроризма, деятельности террористических групп и актуальности практических разработок для системы обеспечения безопасности исторический опыт Российской империи на рубеже XIX–XX вв. относительно конструктивных и малоэффективных способов противодействия террористической угрозе, распространения антиправительственных настроений и реализации мер противодействия остается мало исследованным.

4. Результаты

Современные исследования терроризма ориентируются на международные террористические акты и деятельность соответствующих сообществ. Особо подчеркиваются угроза применения оружия массового поражения террористическими группами и деградация окружающей среды, вызванная использованием ими химикатов и тяжелых металлов, нерациональным расходом подконтрольных природных ресурсов (Kilic et al., 2024). Террористические объединения адаптируются под изменяющиеся условия функционирования, трансформацию политической конъюнктуры, поставленные цели и доступные средства реализации своих заявлений. Для повышения собственной эффективности могут сотрудничать не только с террористами иных идеологических убеждений, но и с преступными группировками (незаконный оборот оружия, наркоторговля, торговля людьми, наемничество). Многие акции совершаются одиночками, разделяющими идеологические положения, но не состоящими в непосредственном членстве.

Стоит помнить, что безопасность является результатом конкретного времени и пространства реализации государственной политики, при повторении которых происходит типизация и формируется определенная модель безопасности. Организация эффективного реагирования на террористическую угрозу и/или управление возможным террористическим инцидентом напрямую зависят от содержательного наполнения понятия и гибкости системы противодействия со стороны государства и общества. Идеологическая демаркация террористов, выявление специфики деятельности и сложность определения вектора и оптимизации стратегии противодействия зависят от содержательного наполнения понятия «терроризм». Внеисторическая перспектива может привести к забвению прошлых знаний, игнорированию историко-генетической преемственности проблемы терроризма и опыта противодействия ему.

Безопасность как научная проблема начинает рассматриваться только после окончания Первой мировой войны в контексте выявления угроз государственному суверенитету, а позднее – социальной идентичности, воспроизводству общества и культурному суверенитету. Отдельные вопросы, относящиеся к поддержанию внутривнутриполитического и социального порядка, были включены в повестку сотрудников правоохранительных органов и мыслителей, общественных деятелей (народничество, социально-революционное движение) Российской империи на рубеже XIX – XX вв. Так, чтобы прекратить беспрерывно повторяющиеся покушения с целью поколебать в России государственный и общественный порядок, в 1880 г. создается Верховная Распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия (Именной..., 1880). В Прокламации «Молодая Россия» 1862 г. говорится, что выход из сложившегося страшного социально-политического и экономического положения в государстве – это кровавая революция. Только она способна радикально изменить все, даже ценой невинных жертв и самих участников (Гейтер, 2020: 43-51). В воззвании союза «Крайних террористов» от марта 1909 г. указывается, что забастовки и требования политических реформ бессмысленны. Они не приводят к необходимым экономическим изменениям и освобождению личности, что представляется конечным идеалом. Следовательно, террор становится единственным оставшимся способом: «Мы будем убивать, душировать всю сволочь называемую русским правительством, мы для достижения своей цели не остановимся ни перед чем» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89. Л. 15-16).

В Российской империи на рубеже XIX – XX вв. терроризм понимался насильственными действиями в отношении государственных лиц, в частности представителей императорского дома. В июле 1914 г. начальникам жандармских управлений было предписано безотлагательно направить агентуру к полному освящению террористических групп в пределах обслуживаемого региона. Необходимо было установить за членами тщательное наблюдение, а в случае их выезда в Крым (туда прибывал член императорского дома) и при невозможности наблюдения необходимо произвести арест (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183. Л. 12). Для этого были объективные причины, заключающиеся в характере совершения данных преступлений: убийство конкретного человека, олицетворяющего социально-политический порядок. Согласно данным, в период 1902–1911 гг. совершено

263 террористических акта, а в период 1905–1908 гг. – порядка 2,6 тыс. государственных служащих убиты и ранены, около 4 тыс. чел. стали сопутствующими жертвами (Гейфман, 1997: 31-57).

Определение такого рода насильственных действий в самостоятельную правовую категорию в законодательстве Российской империи на рубеже XIX – XX вв. отсутствовало. В различных разделах фиксировались действия, связанные с изготовлением и хранением взрывчатых веществ, оружия; подготовкой убийств представителей государственной власти; насильственным сопротивлением государственной власти и изменением существовавшего социально-политического положения посредством бунта. Несмотря на отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «терроризм», оно широко использовалось в официальных документах, например, при разграничении подлежащих надзору лиц на административно высланных за участие в террористических актах и ссыльно-поселенцев, высланных по суду за государственные преступления (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 209. Л. 19).

Действиям, которые можно рассматривать в качестве террористических, были посвящены отдельные статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: вооруженное восстание против постановлений и объявлений правительства, указов и распоряжений или «принудить власти к чему либо несогласному с их долгом» (ст. 263), оказание давления, в том числе насильственного, на исполнение должностными лицами своих обязанностей (ст. 271) и удержание их от исполнения своих должностных обязанностей угрозами (ст. 272) (Свод законов...).

В Уголовном уложении 1903 г. в главе третьей «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» содержится норма о насильственном посягательстве на форму правления, порядок наследования и отторжение какой-либо территории, за нарушение которой предполагалась смертная казнь (ст. 100). В главе пятой «О смуте» наказание предусматривалось: а) за участие в сообществе, созданного с целью совершения выше обозначенных деяний, ниспровержения существующего в государстве общественного строя, в том числе с применением взрывчатых веществ и оружия (ст. 102); б) публичную и непубличную пропаганду идей неподчинения государственной власти и изменения существующего социально-политического положения (ст. 129, ст. 130).

Попытки идентификации сообществ, созданных и тайно функционирующих с противозаконными намерениями, были предприняты в законах «О противозаконных сообществах» 1867 г., «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» 1874 г. и разработках унифицированных уставов и регламентаций деятельности различных сообществ, а также посредством внесения изменений в действующее законодательство. Участие в противозаконных сообществах наказывалось вне зависимости от степени вовлеченности и совершения/несовершения тяжких преступлений (ст. 52, 102, 118, 124-126). Исключение составляло смягчение приговора при заблаговременном сообщении властям (Новое уголовное уложение, 1903).

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что государство в лице законотворцев и правоохранителей не считало терроризм каким-то специфичным явлением и особым видом преступления. Не только не проводилась разработка соответствующего реагирования, но и сложилась тенденция проявления гуманности в отношении исполнителей и организаторов террористических актов. Согласимся с С.Е. Майшевым в том, что общая сумма помилований (96 из 141 смертного приговора за 16 лет) свидетельствует, что «тиранический режим давал шанс тем, кто собирался его уничтожить» (Майшев, 2018: 18).

К приговоренным по делам террористической направленности зачастую применяли меры гласного надзора, наказания в виде каторги и ссылки, в том числе за повторно совершенные преступления. Показательным является пример Б. Моисеенко. Его в 1902 г. выслали в Вологодскую губернию под гласный надзор на три года по делу группы «Рабочее Знамя», откуда он скрылся в 1904 г. В 1905 г. привлечен по делу о подготовке террористических покушений на высших государственных сановников. В 1906 г. арестован в г. Москве за участие в социально-революционном движении и направлен под гласный надзор в выбранное им место жительства – Забайкальскую область. В 1909 г. он незаконно покинул империю и вступил в террористическую группу Б. Савинкова за границей (ГАКК. Ф. 827 Оп. 1. Д. 183. Л. 30). На 1913 г. из 92 представленных в списке гласно-надзорных в районе Енисейского розыскного пункта лиц, причастных к террористической деятельности и боевым организациям, 12 отбывали ссылку сроком пять лет по причине совершения непосредственных насильственных действий, а остальные – три-четыре года (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 209. Л. 8-14).

Отбывая наказание или оставаясь на поселении, участники террористических групп и политические ссыльные разворачивали полноценную пропаганду антиправительственных идей, создавали соответствующие сообщества. На территории Енисейской губернии в период с 1879 по 1892 гг. отбывали ссылку 1065 участников народнических организаций. После расселения ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Канском и Минусинском уездах и прибытия организатора «Земли и воли» Н.А. Серно-Соловьевича уже в 1865 г. зафиксировался рост деятельности соответствующих подпольных организаций, выдвигавших в числе прочих демократические требования и получавших поддержку от местных общественников. По причинам отсутствия

административных и процессуальных возможностей и наличия опасений вызвать общественный резонанс мера пресечения составляла отставку участников в еще более отдаленные местности (*Иллюстрированная история...*, 2012: 206-208). Рост числа ссыльных по политическим преступлениям, носителей революционной идеологии и атеистических воззрений на рубеже XIX–XX вв. приводил к качественному изменению населения.

На наш взгляд, данные действующие меры наказания со стороны государства способствовали распространению антиправительственных настроений и созданию оппозиционных политических сообществ в самых отдаленных территориях Российской империи. Усугублялась такая ситуация ограниченными административными и кадровыми ресурсами правоохранительных органов, которые не могли полноценно осуществлять не только пресечение, но необходимый в рамках системы исполнения наказаний контроль и надзор за участниками террористических групп и политическими ссыльными. Фиксировались неоднократные случаи побега из-под стражи и гласного наблюдения в результате административных нарушений, а также обращения к вышестоящему руководству по недостатку правовых оснований и мер к пресечению антиправительственной деятельности «может вносить вредное влияние на солдатскую среду ..., но к сожалению, не обладаю достаточным юридическим материалом, чтобы выселить его» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89. Л. 20).

Меры, рекомендованные и применяемые по выявлению и пресечению деятельности террористов на всей территории империи, относились к полицейским способам ведения сыскной работы, реализации оперативно-розыскных мероприятий. Они сводились преимущественно к организации агентурной сети. В связи с предстоящим юбилеем Отечественной войны 1812 г. и запланированными поездками императора Департаментом полиции МВД по особому отделу в мае 1912 г. были разосланы циркулярные письма по правоохранительным ведомствам. В них кратко характеризовалась деятельность террористов – групп социалистов-революционеров: использование ими ранее неизвестных охраняемых способов и технических новинок (аэропланов, моторных лодок, автомобилей), вовлечение действующих военных и курсантов, подготовка исполнителей из ранее не имевших боевого опыта лиц и осуществление террористического акта единолично или парой. Среди перечисленных мер, требуемых немедленной реализации, приоритет отдается расширению агентурной сети, осведомленной о деятельности, приезде заграничных активистов и «могущей связаться с заграничными центрами, таковые приобретения будет поставлено в особую заслугу розыскным органам» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183). Начальникам губернских жандармских управлений в 1909 г. предписывалось собирать сведения от агенты относительно планируемых акций и собраний губернских и областных социалистов-революционеров, а в случае подтверждения принимать меры наблюдения, выявлять делегатов. Только при наличии изобличающего материала предписывалось ликвидировать съезды (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89).

Справедливости ради отметим направления работы правоохранительных органов, в частности департамента полиции МВД, принципы которой могут быть востребованы в современных условиях. Однако подчеркнем, что они не составляли единого комплекса антитеррористических мер, зачастую были не согласованы и излишне дублировали уже ранее полученную информацию.

Первое направление заключалось в отслеживании международной обстановки и деятельности международных организаций, способных использовать метод террора и проводить антиправительственную работу. Так, собирались сведения и устанавливались причастные лица к анархическим движениям, созывам международных конференций, съездам анархических и коммунистических групп, их финансированию, а также данные о прибытии участников с территорий иностранных государств. В отношении последних предписывалось немедленно арестовать, обыскать и установить личность, цель поездки (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183. Л. 17-18, 24-28, 32-65).

Второе направление – ведение списков лиц, причастных к революционным и террористическим действиям (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-10), списков неблагонадежных в политическом отношении лиц, проживающих на определенной территории (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89), и списков всех водворенных на определенную территорию политических ссыльных, которые являлись причастными к террористической деятельности или боевым организациям (ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7032). Указывались личные данные (фамилия, имя, отчество, дата рождения), примеры, род деятельности. Фотографии по возможности прилагались. В отношении политических административных ссыльных, гласно-поднадзорных добавлялись сведения по месту водворения, основаниям для осуждения и срок (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 209. Л. 8-14). Данные редактировались, регулярно актуализировались и дополнялись агентурными сведениями. Списки находились у начальников губернских жандармских управлений, охранных отделений, пограничных пунктов и отделений розыска.

На наш взгляд, в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. сложилась противоречивая ситуация в отношении деятельности террористов и антиправительственных сообществ. С одной стороны, они не воспринимались реальной угрозой существованию государственности и суверенитету, подкрепляемой внешнеполитическим влиянием иностранных государств. Однако террористическая деятельность таковой была обозначена в публичном пространстве политическими субъектами. Терроризм позиционировался секьюритизированным объектом, а государственный

аппарат – и секьюритизированным субъектом, и референтным объектом, отождествляющим свою безопасность с безопасностью государства. Обеспечение безопасности государства позиционируется инструментально как лучший способ защиты других референтных объектов (населения, экономики, религии). Формированием представления о террористической угрозе среди населения занималось государство, что выражалось в соответствующих заявлениях представителей власти, судебных разбирательствах и публичных исполнениях смертных приговоров. Например, процесс по делу об убийстве императора Александра II и публичная казнь осужденных как «цареубийц» ([Дело 1-го марта..., 1906](#)).

На рубеже XIX–XX в. термин «терроризм» получил широкое использование в публикациях, особенно в революционно-народнической нелегальной и эмигрантской печати в положительном аспекте. Социально-революционно настроенные писатели, идеологи народничества и активисты обосновывали использование террора и подчеркивали его агитационный, медийный потенциал в качестве публичного события, превалирующего над его реальным значением в борьбе с самодержавием. Аудитория террористических актов и реализации государственных мер противодействия им, испытывая сильные эмоции и переживания от совершенных действий, не рассматривала себя в качестве потенциальных или случайных жертв. Создавался образ героя-террориста, транслируемого в массы.

После прекращения в 1881 г. публичных судебных разбирательств степень эмоционального соучастия населения стала снижаться в отношении непосредственных жертв, которыми являлись, как правило, чиновники и публичные проправительственные деятели. Свои насильственные и иные противозаконные действия в адрес представителей государственного аппарата и императорского дома террористы оправдывали и обосновывали утопическими представлениями о возможности радикальных преобразований сложившегося социально-политического порядка и изменения вектора внутренней политики. Террористы стали позиционироваться своеобразными героями, мучениками за социально-политическое преобразование в пользу широких слоев населения против угнетателей, террористические акты – ассоциироваться с милитантными образами и идеями. Лидер «Народной воли» А.Д. Михайлов охарактеризовал свою работу как великое дело, ведущее, если нужно, на славную смерть по примеру мучеников 14 декабря. Революционер С.М. Степняк-Кравчинский описывал террориста как самоотверженного борца с деспотизмом, чей идеал – жизнь, полная страданий, и смерть мученика ([Зыгмонт, 2021: 253-254](#)). В. Засулич охарактеризовала значимость покушений на властителей, заключающуюся в показательном характере, привлечении всеобщего внимания, повышении престижа террористов, возбуждении радостного чувства и психологическом удовлетворении в сопротивлении ([Первая..., 1984](#)).

На основании вышесказанного можно выделить следующие группы проблем, вызванных деятельностью террористических групп, отдельных исполнителей и позицией государственной власти.

Первая группа – законодательство на рубеже XIX–XX вв. Отсутствие отдельной законодательной нормы, регламентирующей противодействие организованной террористической деятельности, можно объяснить спецификой совершения насильственных действий – адресным характером, относительно небольшим количеством успешно реализованных актов, отсутствием единой идеологии и единого социально-политического, революционного движения, общественного резонанса. Также террористические акты нередко сопровождалось ограблениями, изъятием имущества и финансов, незаконным оборотом оружия, изготовлением взрывных устройств. Так, в 1905-1906 гг. произошло 1951 ограбление по политическим мотивам. Хищения оружия фиксировались в воинских частях, офицерских школах, кадетских корпусах. В 1905 г. эсеры закупили за счет японской разведки 659 винтовок, 658 пштыков, 120 тыс. оружейных патронов и предприняли попытку ввоза на территорию империи на пароходе «Джон Крафтон» ([Изнанка..., 1906: 19](#)).

Вторая группа включает игнорирование терроризма как социально-политического явления, формирующего социально-реактивное революционное движение, и специфического вида правонарушений, требующего нестандартных для данного периода времени полицейских мер пресечения и надзора. К 1905 г. накал террористических атак достиг пика, вызывая ощущение беспомощности, что усугублялось отсутствием мер борьбы со стороны правоохранителей и гуманистической позицией со стороны руководства империи: «Каждый божий день по несколько убийств ... теперь свободно все стачки проходят, и никаких арестов в помине нет, а террористы палят и палят» ([Козьмин, 1928: 111](#)).

Сложившееся положение не подразумевало разработки специализированного подхода противодействия терроризму и выделение террористических актов в отдельную проблему, требующую комплексного решения, межведомственного взаимодействия и устранения предпосылок для развития соответствующих антиправительственных настроений у населения. Об эффективности отдельных попыток комплексного подхода свидетельствуют либеральные внутриполитические реформы начала XX в. По мнению А. И. Суворова, правительству П.А. Столыпина посредством оздоровления и стабилизации внутриполитической обстановки, борьбы с анархией, хаосом,

произволом и беззаконием удалось снизить террористическую угрозу и спровоцировать идейно-политическое вырождение в заурядную уголовщину и чистый бандитизм (Суворов, 2023: 30).

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. сложились благоприятные условия для распространения террористических настроений и использования террора, вызванные системными ошибками государственной власти. Ключевой проблемой безопасности являлось то, что к терроризму не относились как к реальной внутренней угрозе государству и обществу, требующей отдельного законодательства и разработки профилактики. Власть недооценивала терроризм по причине новизны данного явления, что усугублялось а) позиционированием его обычным преступлением, участники которого достойны гуманного наказания, и б) героизацией исполнителей в качестве мучеников со стороны общественности. Игнорировались его социально-реактивная составляющая и деструктивный характер последствий для социальной стабильности и сплочения населения перед внешними угрозами. Низкая эффективность антитеррористических мер объясняется отсутствием комплексного подхода и превалированием отношения к терроризму как преступлению. Террористы могут быть изолированы и дерадикализованы, в результате чего террористические группы прекратят свое существование. Однако ссылка террористов способствовала появлению террористических групп и радикализации общественности в удаленных окраинах империи. Были разработаны и конструктивные решения: отслеживание международных движений, тенденций в антиправительственных организациях и ведение списков причастных к терроризму лиц, разделенных на различные категории. Проанализированный нами исторический опыт является полезным для оптимизации управленческих решений и разработки антитеррористических мер.

Литература

- Бик-Булатов, 2023** – Бик-Булатов А. Ш. Проблематика терроризма в российской публицистике второй половины XIX – начала XX века // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155, кн. 6. С. 117–124.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Гейфман, 1997** – Гейфман А. Убий! Революционный террор в России. 1894–1917. М.: КРОНПРЕСС, 1997. 448 с.
- Гефтер 2020** – Гефтер М.Я. Антология народничества / под ред. В. Г. Виноградского, М. Г. Пугачевой, М. Я. Рожанского; коммент. и указ. В. А. Твардовской. СПб.: Нестор-История, 2020. 688 с.
- Дело 1-го марта..., 1906** – Дело 1-го марта 1881 г.: Процесс Желябова, Перовской и др. : (Правительств. отчет) : Со ст. и примеч. Л. Дейча: К 25-летию 1881–1906 гг. СПб : Свобод. труд, 1906. 428 с.
- Зыгмонт, 2021** – Зыгмонт А. И. Существует ли «секулярное мученичество»? К вопросу о демаркации проблемных феноменов жертвенности // *Steps*. 2021. Т. 7. № 2. С. 244–267.
- Изнанка..., 1906** – Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 20 с.
- Иллюстрированная история..., 2012** – Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.) / Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, В. А. Безруких. Красноярск: РАСТР, 2012. 240 с.
- Именной..., 1880** – Именной, данный сенату указ «Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 12 февраля 1880 г. // *ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. № 60492*.
- Козьмин, 2015** – Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты: Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.: Гос. изд-во, 1928. 144 с.
- Колотков, 2015** – Колотков М. Б. Концептуальные основы идеологии терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX века) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 392. С. 123–128.
- Леонов, 2017** – Леонов М.И. Начало эсеровского террора // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2017. № 2(40). С. 14–26.
- Майшев, 2018** – Майшев С. Е. Возникновение политического терроризма в Российской империи во второй половине XIX века // *Кант*. 2018. № 1. С. 14–19.
- Маньков, 2018** – Маньков А.В. Терроризм в России: исторические аспекты (вторая половина XIX – начало XX века) // *Вестник Чувашского университета*. 2018. № 4. С. 84–100.
- Новое..., 1903** – Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: с прил. предм. алф. указ. СПб.: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 253 с.
- Ольшанский, 2002** – Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
- Первая..., 1893–1903** – Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1893–1903: документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М.: Наука, 1984. 448 с.

- Сидоров, 2014 – Сидоров П.И. Ментальная экология пандемии терроризма // *Экология терроризма*. 2014. № 3. С. 18-27.
- Суворов, 2023 – Суворов А.И. Террористическая активность в России в начале XX века и государственная власть // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2023. № 6(105). С. 28-31.
- Свод законов Российской империи, 1916 – Свод законов Российской империи. Т. 15. [Ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов ; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. 1916. 521 с.
- Abrahms et al., 2023 – Abrahms M., Dau L., Moore E. Should I stay or should I go now? Understanding terrorism as a driver of institutional escapism // *International Business Review*. 2023. Vol. 32. Is. 4. P. 102120.
- Akanni, 2023 – Akanni J. A non-linear optimal control model for illicit drug use and terrorism dynamics in developing countries with time-dependent control variables // *Decision Analytics Journal*. 2023. Vol. 8. P. 100281.
- Baba et al., 2013 – Baba I., Rihan F., Hincal E. A fractional order model that studies terrorism and corruption codynamics as epidemic disease // *Chaos, Solitons & Fractals*. 2023. Vol. 169. P. 113292.
- Buzan, 1991 – Buzan B. People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations. Wheatsheaf Books, 1991. 262 p.
- Impara, 2018 – Impara E. A social semiotics analysis of Islamic State's use of beheadings: Images of power, masculinity, spectacle and propaganda // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2018. Vol. 53. Pp. 25-45.
- Jenkins, 2003 – Jenkins P. Images of terror: What we can a. can't know about terrorism. New York : Aldine de Gruyter, Cop. 2003. 227 p.
- Juergensmeyer, 2017 – Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: University of California, Press, 2017. 319 p.
- Kilic et al., 2024 – Kilic C., Soyyigit S., Bayar Y., Bekun F. Exploration on terrorism, ecological footprint and environmental sustainability in countries with the most terrorism antecedent: Accessing evidence from panel fourier analysis // *Heliyon*. 2024. Vol. 10. Is. 1. P. e22849.
- Posluszna, 2020 – Posluszna E. Terrorism of Lone Wolves // *Safety & Defense*. 2020. Vol. 6 (1). Pp. 109-118.
- Sederberg, 2003 – Sederberg P.C. Global Terrorism: Problems of Challenge and Response // C.W. Kegley Jr (ed.). The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls, Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2003. Pp. 267-284.
- Turvey, 2022 – Turvey B. Criminal Profiling (Fifth Edition) An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. San Diego, Calif. : Academic Press, 2022. 717 p.
- Waever, Buzan, 2019 – Waever O., Buzan B. After the Return to Theory: The Past, Present, and Future of Security Studies // *Contemporary Security Studies*/ ed. A. Collins. Oxford University Press, 2019. P. 444.
- Webber, Kruglanski, 2018 – Webber D., Kruglanski A. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. Pp. 131-134.

References

- Abrahms et al., 2023 – Abrahms, M., Dau, L., Moore, E. (2023). Should I stay or should I go now? Understanding terrorism as a driver of institutional escapism. *International Business Review*. 32(4): 102120.
- Akanni, 2023 – Akanni, J. (2023). A non-linear optimal control model for illicit drug use and terrorism dynamics in developing countries with time-dependent control variables. *Decision Analytics Journal*. 8: 100281.
- Baba et al., 2013 – Baba, I., Rihan, F., Hincal, E. (2023). A fractional order model that studies terrorism and corruption codynamics as epidemic disease. *Chaos, Solitons & Fractals*. 169: 113292.
- Bik-Bulatov, 2023 – Bik-Bulatov, A. Sh. (2013). Problematika terrorizma v rossijskoj publicistike vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Problematics of terrorism in Russian journalism of the second half of the XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 155, kn. 6, pp. 117-124. [in Russian]
- Buzan, 1991 – Buzan, B. (1991). People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations. Wheatsheaf Books, 262 p.
- Delo 1-go marta..., 1906 – Delo 1-go marta 1881 g.: Process Zhelyabova, Perovskoj i dr.: (Pravitel'stv. otchet): So st. i primech. L. Dejcha: K 25-letiyu 1881–1906 gg. (1906) [The case of March 1, 1881: The trial of Zhelyabov, Perovskaya, etc.: (Govt. report): From the article and notes by L. Deutsch: To the 25th anniversary of 1881-1906]. SPb : Svobod. Trud, 428 p. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gefter, 2020 – Gefter, M.Ya. (2020). Antologiya narodnichestva [Anthology of populism]. Pod red. V. G. Vinogradskogo, M. G. Pugachevoj, M. Ya. Rozhanskogo; komment. i ukaz. V. A. Tvardovskoj. SPb.: Nestor-Istoriya, 688 p. [in Russian]

- Gejzman, 1997** – *Gejzman, A.* (1997). Ubij! Revolyucionnyj terror v Rossii. 1894–1917 [Kill! Revolutionary terror in Russia. 1894-1917]. M.: KRONPRESS, 448 p. [in Russian]
- Ilyustrirovannaya istoriya..., 2012** – *Ilyustrirovannaya istoriya Krasnoyar'ya (XVI — nachalo XX v.)* (2012) [Illustrated history of Krasnoyarsk (XVI — early XX century)]. G. F. Bykonya, V. I. Fedorova, V. A. Bezrukih. Krasnoyarsk: RASTR, 240 p. [in Russian]
- Imennoi..., 1880** – *Imennoi, dannyj senatu ukaz «Ob uchrezhdenii v Sankt-Peterburge Verhovnoj Rasporjaditel'noj Komissii po ohraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obschestvennogo spokojstviya»* ot 12 fevralya 1880 g. [Nominal, decree given to the Senate «On the establishment in St. Petersburg of the Supreme Administrative Commission for the Protection of Public Order and Public Tranquility» dated February 12, 1880]. PSZRI. Sobr. 2. T. 54. Otd. 2. № 60492. [in Russian]
- Impara, 2018** – *Impara, E.* (2018). A social semiotics analysis of Islamic State's use of beheadings: Images, of power, masculinity, spectacle and propaganda. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 53: 25-45.
- Iznanka..., 1906** – *Iznanka revolyucii. Vooruzhennoe vosstanie v Rossii na yaponskie sredstva* [The wrong side of the revolution. An armed uprising in Russia with Japanese funds]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1906. 20 p. [in Russian]
- Jenkins, 2003** – *Jenkins, P.* (2003). Images of terror: What we can a. can't know about terrorism. New York : Aldine de Gruyter, Cop, 227 p.
- Juergensmeyer, 2017** – *Juergensmeyer, M.* (2017) *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California, Press, 319 p.
- Kilic et al., 2024** – *Kilic, C., Soyuyigit, S., Bayar, Y., Bekun, F.* (2024). Exploration on terrorism, ecological footprint and environmental sustainability in countries with the most terrorism antecedent: Accessing evidence from panel fourier analysis. *Heliyon*. 10(1): e22849.
- Kolotkov, 2015** – *Kolotkov, M.B.* (2015). Konceptual'nye osnovy ideologii terrorizma v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Conceptual foundations of the ideology of terrorism in Russia (the second half of the XIX – early XX century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 392: 123-128. [in Russian]
- Koz'min, 2015** – *Koz'min, B.P.* (1928). S. V. Zubatov i ego korrespondenty: Sredi ohrannikov, zhandarmov i provokatorov [S. V. Zubatov and his correspondents: Among the guards, gendarmes and provocateurs]. M.: Gos. izd-vo, 144 p. [in Russian]
- Leonov, 2017** – *Leonov, M.I.* (2017). Nachalo eserovskogo terrora [The beginning of the Socialist Revolutionary terror]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region*. Gumanitarnye nauki. 2(40): 14-26. [in Russian]
- Majshev, 2018** – *Majshev, S.E.* (2018). Vozniknovenie politicheskogo terrorizma v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka [The emergence of political terrorism in the Russian Empire in the second half of the XIX century]. *Kant*. 1: 14-19. [in Russian]
- Man'kov, 2018** – *Man'kov, A.V.* (2018) *Terrorizm v Rossii: istoricheskie aspekty (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Terrorism in Russia: historical aspects (second half of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4: 84-100. [in Russian]
- Novoe..., 1903** – *Novoe ugolovnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g.: s pril. predm. alf. Ukaz (1903)* [New criminal code, approved on March 22, 1903: from the appendix of the prem. alf. decree]. SPb.: kn. mag. V. P. Anisimova, 253 p. [in Russian]
- Ol'shanskij, 2002** – *Ol'shanskij, D.V.* (2002). *Psihologiya terrorizma* [Psychology of terrorism]. SPB.: Piter, 288 p. [in Russian]
- Pervaya..., 1984** – *Pervaya marksistskaya organizaciya Rossii – gruppa «Osvobozhdenie truda», 1893–1903: dokumenty, stat'i, materialy, perezpiska, vospominaniya (1984)* [The first Marxist organization in Russia – the group «Liberation of Labor», 1893– 1903: documents, articles, materials, correspondence, memoirs]. M.: Nauka, 448 p. [in Russian]
- Posluszna, 2020** – *Posluszna, E.* (2020). Terrorism of Lone Wolves. *Safety & Defense*. 6(1): 109-118.
- Sederberg, 2003** – *Sederberg, P.C.* (2003). *Global Terrorism: Problems of Challenge and Response*. C. W. Kegley Jr (ed.) *The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls*, Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, pp. 267-284.
- Sidorov, 2014** – *Sidorov, P.I.* (2014). Mental'naya ekologiya pandemii terrorizma [Mental ecology of the terrorism pandemic]. *Ekologiya terrorizma*. 3: 18-27. [in Russian]
- Suvorov, 2023** – *Suvorov, A.I.* (2023). Terroristicheskaya aktivnost' v Rossii v nachale XX veka i gosudarstvennaya vlast' [Terrorist activity in Russia at the beginning of the twentieth century and state power]. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya*. 6(105): 28-31. [in Russian]
- Svod zakonov Rossijskoj imperii, 1916** – *Svod zakonov Rossijskoj imperii (1916)*. T. 15. [Ch]. 1: Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. Izdanie 1885 goda, so vklucheniem statej po Prodolzheniyam 1912, 1913 i 1914 godov ; [Ch]. 2: Ugolovnoe ulozhenie : (stat'i, vvedennye v dejstvie). Izdanie 1909 goda, so vklucheniem statej po Prodolzheniyam 1912 i 1913 godov [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15. [H]. 1: The Code of Criminal and Correctional Punishments. The 1885 edition, with

the inclusion of articles on the Sequels of 1912, 1913 and 1914; [H]. 2: Criminal Code: (articles put into effect). The 1909 edition, with the inclusion of articles on the Sequels of 1912 and 1913]. 521 p. [in Russian]

Turvey, 2022 – Turvey, B. (2022). Criminal Profiling (Fifth Edition) An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. San Diego, Calif.: Academic Press, 717 p.

Waever, Buzan, 2019 – Waever, O., Buzan, B. (2019). After the Return to Theory: The Past, Present, and Future of Security Studies. Contemporary Security Studies. Ed. A. Collins. Oxford University Press, p. 444.

Webber, Kruglanski, 2018 – Webber, D., Kruglanski, A. (2018). The social psychological makings of a terrorist. *Current Opinion in Psychology*. 19: 131-134.

Zygmont, 2021 – Zygmont, A.I. (2021). Sushchestvuet li «sekulyarnoe muchenichestvo»? K voprosu o demarkacii problemnyh fenomenov zhertvennosti [Is there a «secular martyrdom»? On the issue of demarcation of problematic phenomena of sacrifice]. *Steps*. 7(2): 244-267. [in Russian]

Проблема терроризма в системе безопасности Российской империи на рубеже XIX–XX веков (на примере Енисейской губернии)

Татьяна Владимировна Излученко ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^{a, b},
Евгений Александрович Ахтамов ^a, Дарья Николаевна Нестеренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский федеральный университет, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация

Аннотация. Современные исследования безопасности актуализируют проблему терроризма, позиционируя его многоаспектным и требующим тщательной проработки с учетом времени и пространства явлением. Рассмотрение терроризма как конкретно-исторического явления способствует сохранению историко-генетической преемственности и использованию опыта противодействия для обеспечения безопасности государства и социального единства. Целью работы является выявление специфики отношения к терроризму в Российской империи на рубеже XIX–XX веков со стороны государственной власти и общественности. Методологическую основу исследования составил политико-исторический подход, используемый для реконструкции внутривластной обстановки и трансформации законодательства. Историко-генетический метод позволил выявить условия распространения и развития во времени террористических настроений, а идиографический метод – определить влияние отдельных случаев на ситуацию в целом. Терроризм рассматривается в рамках социального конструктивизма, что способствует выявлению роли всех участников. Авторами отмечается тенденция к героизации террористов среди населения и к позиционированию их действий в качестве актов мученичества. Благоприятные условия для распространения терроризма были вызваны системными ошибками государственной власти. Первые ошибки заключались в отсутствии соответствующей законодательной базы, отделяющей терроризм от иных видов преступлений. Вторые – это игнорирование социальной природы терроризма, спровоцированной пореформенными изменениями. В результате необходимый для конструктивного противодействия терроризму комплексный подход не был разработан. Используемые полицейские меры выявления, предупреждения и надзора не являлись эффективными, а в некоторых случаях даже способствовали распространению антиправительственных настроений в отдаленные территории империи.

Ключевые слова: терроризм, революционное движение, преступление, мученичество, безопасность, секьюритизация, радикальное преобразование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н.Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)